

Глава XL. УСИЛИЯ ЖИРОНДИСТОВ ОСТАНОВИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

Пока дело шло о свержении старой, абсолютной монархии, жирондисты стояли в первых рядах. Пылкие, отважные, поэты, полные восторга перед республиками классической древности и вместе с тем стремясь к власти, они, конечно, не могли примириться со старым, королевским строем.

Поэтому пока крестьяне жгли замки и записи феодальных повинностей, пока народ разрушал остатки феодальной зависимости, они заботились главным образом об установлении новых политических форм управления. Они уже видели себя у власти вершителями судеб Франции, рассылающими войска, которые разносят по всему миру весть о свободе.

Что же касается хлеба для народа, думали ли они о нем? Несомненно одно: они совершенно не представляли себе, какой силой сопротивления обладает старый порядок, и мысль об обращении к народу для победы над старым строем была им совершенно чужда, даже враждебна. Народ должен платить налоги, выбирать, доставлять государству солдат; что же касается до созидания и разрушения политических форм, то это — дело «мыслителей», правителей, государственных людей.

Поэтому, когда король для удержания своей власти призвал себе на помощь немцев и немецкие войска уже подходили к Парижу, жирондисты, раньше так страстно желавшие войны, чтобы избавиться от управления Франции двором, отказывались теперь обратиться к народному восстанию, чтобы отразить иноземное нашествие и изгнать из Тюильри руководителей этого нашествия. Даже после 10 августа мысль о победе над неприятелем при помощи народной революции казалась им настолько чудовищной, что Ролан созвал людей, выдвинутых революцией — Дантона и других, и предложил им свой план на обсуждение. План этот состоял в том, чтобы перевезти Собрание и пленного короля сначала в Блуа, а затем куда-нибудь подальше на юг, предоставив таким образом весь север Франции во власть чужеземцев и устроив маленькую республику где-нибудь в департаменте Жиронды.

Народ и его революционный порыв, спасший Францию, для них не существовали. Они оставались бюрократами.

Вообще говоря, жирондисты были верными представителями буржуазии.

По мере того как народ набирался смелости и требовал налога на богатых и уравнивания состояния — требовал равенства как не обходимого условия свободы, буржуазия приходила к заключению, что пора отделиться от народа, пора вернуть его к «порядку».

Жирондисты последовали за этим течением. Попавши во власть, эти буржуазные революционеры, до сих пор отдававшие свои силы революции, отделились от народа. Старания народа создать свои собственные политические органы в виде секций в больших городах и народных обществ по всей Франции, его желание идти вперед по пути равенства явились в их глазах угрозой для всего имущего класса, преступлением.

С этого момента жирондисты решили остановить революцию: создать сильное правительство и принудить народ к повиновению, если нужно, то при помощи гильотины и расстрелов.

Чтобы понять великую драму революции, разрешившуюся восстанием Парижа 31 мая и «очищением» Конвента, нужно обратиться к писаниям самих жирондистов, почему-то до сих пор не замеченным историками. В этом отношении памфлеты Бриссо «Ж. П. Бриссо к своим избирателям» (23 мая 1793 г.) и «Ко всем республиканцам Франции» (24 октября 1792 г.) особенно поучительны*.

*Английские враги республиканской революции вполне оценили эти памфлеты и переиздали их в Лондоне.

«Вступая в Конвент, я думал, — пишет Бриссо, — что раз королевская власть уничтожена и вся власть находится в руках народа или его представителей, патриоты должны сообразовать свое поведение с изменившимся положением.

Я думал, что восстания должны прекратиться, потому что там, где не приходится свергать тирании, не должно быть и восстания»*.

*Brissot J. P. A tous ses commettants. Londres, 1794, p. 7.

«Я думал, — пишет дальше Бриссо, — что только водворение порядка может восстановить спокойствие; что порядок заключается в религиозном уважении к законам, судьям и личной безопасности. .. Я думал поэтому, что порядок есть вместе с тем и настоящая революционная мера... Я думал, следовательно, что настоящие враги народа и республики — это анархисты, проповедники аграрного закона, возбудители бунтов»*.

*Ibid., p. 8, 9.

«20 анархистов, — говорил Бриссо, — завладели в Конвенте влиянием, которое должно было бы принадлежать одному только разуму». «Следите за прениями и вы увидите, с одной стороны, людей, постоянно заботящихся о поддержке уважения к законам, к установленным властям, к собственности, а с другой — людей, постоянно старающихся возбуждать волнение в народе, подрывать доверие к установленной власти посредством клеветы, поощрять безнаказанность преступления и ослаблять все общественные связи»*.

*Ibid., p. 13.

Правда, среди тех, кого Бриссо называл «анархистами», были очень разнообразные элементы. Но у всех их была одна общая черта: все они не считали революцию законченной и поступали соответственно этому.

Они знали, что Конвент не сделает ничего, если его не будет толкать народ. Они организовывали поэтому народное восстание. В Париже они провозглашали верховную власть Коммуны, и вместе с тем они старались создать национальное единство не при помощи центрального правительства, а посредством установления прямых сношений между муниципалитетом и секциями Парижа и 36 тыс. коммун Франции.

Но именно этого-то жирондисты не хотели допустить.

«Я заявил с самого начала Конвента, — говорит Бриссо, — что во Франции существует партия дезорганизаторов, стремящаяся разрушить республику в самой ее колыбели. Сегодня я хочу доказать: 1) что это партия анархистов господствовала и господствует почти над всеми прениями Конвента и над всеми действиями Исполнительного совета; 2) что эта партия была и остается единственным источником всех бедствий, внутренних и внешних, удручающих Францию, и 3) что республику нельзя спасти иначе, как приняв строгие меры, чтобы вырвать представителей нации из рук этой деспотической бунтовской партии».

Для всякого, кто знает характер того времени, истинный смысл этих слов Бриссо ясен. Он просто-напросто требует гильотины для тех, кого он называет анархистами и кто, стремясь к продолжению революции и окончательной отмене феодального порядка, мешает буржуазии, а именно жирондистам, спокойно упрочивать в Конвенте правительство буржуазии, не спрашивая себя даже, чем кормится голодающий народ.

«Нужно, следовательно, дать точное определение этой анархии», — пишет представитель жирондистов, и вот его определение:

«Законы, остающиеся без исполнения, бессильная и униженная власть, безнаказанность преступления, нападение на собственность, нарушение неприкосновенности личности, извращение народной нравственности; ни конституции, ни правительства, ни юстиции — таковы черты анархии!»

Но не так ли именно происходят все революции? Точно Бриссо не знал этого и сам не делал того же самого до того времени, когда добрался до власти! В течение трех лет, от мая 1789 до 10 августа 1792 г., нужно же было унижать власть короля и стараться сделать из нее власть «бессильную», чтобы 10 августа можно было ее свергнуть.

Но Бриссо хотел, чтобы, дойдя до этой точки, революция в тот же день остановилась. Как только королевская власть свергнута и Конвент получил верховенство, «всякие восстания должны прекратиться», говорит он.

Что в особенности возмущало жирондистов, это стремление революции к равенству, стремление, которое, как очень верно отметил Фагэ*, господствовало в этот момент в

революции. Так, Бриссо не может простить Клубу якобинцев, что он принял название не Друзей республики, а «Друзей свободы и равенства, в особенности равенства!» Не может он простить «анархистам» и того, что по их внушению были поданы петиции «рабочих парижского лагеря, принявших название нации и пожелавших определить причитающееся им жалование на основании жалования депутатов»**!

*Faguet E. Introduction sur les idees maitresses de la Revolution francaise. – In: L'oeuvre sociale de la Revolution francaise. Paris, 1901.

**Brissot J. P. Op. cit.. p. 24.

«Дезорганизаторы, — говорит он в другом месте, — это те, кто хочет все уравнивать: собственность, достаток, установить цены на пищевые продукты, определить ценность различных услуг, оказанных обществу, и т. д.; кто хочет, чтобы рабочий в лагере получал столько же, сколько законодатель; кто хочет уравнивать даже таланты, знания, добродетели, потому что у них самих ничего этого нет» (Памфлет от 24 октября 1792 г.)*.

*Ibid.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:42:20

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:42:46